

Людмила Ударцева

**Мама очень
хорошего
человека**

Людмила Владиславовна Ударцева Мама очень хорошего человека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68929845

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ о непростом периоде жизни в пандемию 2020 года, об отношениях людей и к людям.

Людмила Ударцева

Мама очень хорошего человека

Я не верила ни в какие пандемии, не верила вплоть до второй волны 2020 года, которая накрыла мой город, мою школу, мою улицу. Считаюсь не болеющим человеком, не озабочилась лекарствами, а когда под конец недели почувствовала себя не важно, зашла в аптеку, не зная, что спросить. Попросила какие-нибудь антибиотики, каким-то внутренним чутьём понимая, что мне самой не победить то, отчего начался озноб, и заболела голова. Мне отказали, хотя чувствовалось – девушка-аптекарь всей душой хочет мне помочь, но распоряжения сверху и очередь свидетелей свели наш разговор от антибиотиков, не отпускаемых без рецепта к общеизвестным жаропонижающим средствам.

Вооруженная только ими я осталась один на один с новой болезнью на все выходные. В понедельник утром впервые в жизни встала в живую очередь, будучи пятьдесят третьей по счету. Успела съездить домой, попить чаю. Кушать, когда вся пища напоминает безвкусную тряпку, я не могла уже третий день. После трёх часов дня я, наконец, попала на приём, сказала, что возможен ковид-19 и попросила сделать тест. К тому времени в нашей школе уже имелись подтвер-

ждённые факты распространения вируса. Очень переживала за папу, ему семьдесят, и покупала прописанные мне таблетки на двоих. Рецепт студента-медика уместился в двух строчках: что-то на основе пенициллина и средство от кашля.

Приняв таблетки, я сразу поверила, что теперь быстро поправлюсь. А папа купленный для него амоксициллин пить отказался. У него тоже была повышенная температура, и он принял парацетамол.

Я горела, особенно кисти рук, натруженные стройкой и огородом. Ночью лёжа с закрытыми глазами десятки раз пришлось рассматривать самые мерзкие картины: нарывы, грязь, дым ядовитых пожаров. Отравленный вирусом мозг выдавал видения, словно, у меня не было век, чтобы отгородиться от навязанных ужасов обычным сном. В среду врач скорой очень удивилась, что я не умираю, и обвинила меня в трате её времени. Я извинялась, сожалея до слёз, что помешала этой женщине спасти чьи-то жизни, но бороться за свою в одиночку было страшно.

Нет, я не одинока. Мои братья и сестра, племянники, друзья и коллеги всегда рядом, на связи. А вот муж в командировке и доченька в Москве, учится в ординатуре. Она как раз взяла билеты, чтобы вернуться в город, где отучилась на врача и потом открыла салон красоты. Срочно нужно было наводить порядок в этом салоне, где персонал уже успел окон-

чательно распоясаться два месяца её отсутствия, когда я сообщила, что домой она заехать не сможет. У меня подтвердился COVID-19. В тот же день я обратилась за помощью к друзьям и, выслав список лекарств от всемирной напасти, уже набравшись знаний в интернете, и получила пакет таблеток и микстур.

Температура росла. В четверг градусник показал тридцать девять и два. Как за соломинку я хотела ухватиться за неизвестные мне противовирусные средства, перебирая купленные лекарства, со слезами на глазах фотографировала их и отправляла дочке с вопросом: «Может это?»

Противовирусных в аптеках уже не было, и друзья их просто не купили. Провизор – подруга дочки привезла амиксин к вечеру, и мы с папой, приняв по таблетке, в надежде на защиту чудо-средства, впервые за последнее время ночью спали спокойно.

Папа переносил грипп легче и собрался в магазин за газетой.

– Пап, мы на самоизоляции, мне из поликлиники звонили. Даже на приём к врачу нельзя.

– Ну, я же в маске, – бросил он в ответ.

– Не поможет, вирус и на одежде и на обуви. зачем людей

заражать?

– Хочешь сказать, что и завтра за пенсией не идти?!

– Нет, конечно.

– Ага, прям сейчас! – выдал раздраженно, и крыть мне было нечем. Для него это праздничный день, когда поход на почту завершается приобретением полулитры в любимом магазине. Именно поэтому он отказался переводить пенсию на карту. Это традиция. А тут какой-то грипп!

Пришлось принимать срочные меры. Хрипя и кашляя, набраю вызов:

Здравствуйте, – назвала свой адрес и представилась, – Вам COVID нужен?

В ответ настороженная тишина.

– Если не нужен, звоните моему отцу и говорите, что в связи с обстановкой в стране, пенсии разносят по домам. А то завтра к вам придет.

Почта сработала на опережение, и опечаленный отец, обработав руки, получил деньги через забор.

Следующим утром кашель усилился. Больше ничего осо-

бенного, даже температуры не было, просто сильный кашель, ну ещё спина огнём горела. Врач скорой помощи мне ещё в среду сказала, что обостряться все «неврозы и хандрозы» и я была готова терпеть. Только стало казаться, что дышу по-другому, как вполсилы.

После обеда вызвала скорую, было опять стыдно, я же снова не умирала, но было так страшно начать умирать. Опытным путём, выяснила, что дышать легче лёжа на животе, лежала и ждала. К вечеру стало только хуже, о своём реальном состоянии здоровья я могла только догадываться, всё чаще растягивая лёгкие через силу, а скорая ещё не приезжала.

– Доченька, прости, что отвлекаю. Я обещала, что скажу тебе, как только начнётся пневмония.

– Мам, у тебя был врач? – она сама медик и доверяет только «своим».

– Пока нет... но я знаю...

Рыдания в трубке резанули по сердцу, пришлось проявить твердость:

– Ну, чего ревёшь? Я же не поздно тебе звоню. Просто скорая не едет.

Я помнила, что до позднего вечера у дочери мастер классы. Она преподаёт, учит женщин создавать красоту для других. И вот она я! Со своими неподтверждёнными болячками!

Телефон опять зазвонил.

– Люсь, мне приехать? – спрашивал муж.

– Ну, Юля! Уже и тебя переполошила! – не люблю такого внимания. Это я живу для них, не привычно, когда наоборот. – Нет, Саш, работай. Я Юле позвонила, всё будет хорошо. Всё, давай, у меня параллельный вызов. Доча что-то хочет сказать. Пока, перезвоню.

– Мам, я еду к тебе...

– Юль, не надо. У тебя всё сорвётся. Сядешь на карантин, а тебе за квартиру в Москве платить четыре моих зарплаты сразу.

– Плевать, мам! Мне уже две машины на выбор дали, чтобы я тебя сюда везла. Так, что едим с комфортом на спорткаре. У меня друг, помнишь Мишу, в одной группе учились, он в ковидном госпитале работает. Обещал помочь.

– Юль, у меня же коза и дед...

– Значит, буду козу поить и не давать пить деду.

– Её доить нужно. Я попросила соседа, но его жена боится заразы, и он отказал.

– Значит, научусь доить, – услышала я в ответ. Представила девочку с идеальными ногтями, деланными бровями и модной стрижкой, весом с козу и как-то засомневалась.

В восемь приехала скорая, врач разговаривала с дочкой по телефону, подтвердила мой диагноз, но заверила, что отёка дыхательных путей нет.

– Вам лучше поехать с дочерью. Вечером в нашем городке КТ не сделать.

Она не рассказывала о том, что палаты больниц уже переполнены, это было не важным. Умирать дома она бы меня не оставила, нашлись бы и место в коридоре и шприц с цефтриаксоном. Но насколько спокойней мне было рядом с дочкой, уверенно державшей руль. Я физически чувствовала, как она взвалила на себя все мои заботы, готовая увести меня в крупный город и вывести всё другое, что на неё вдруг свалилось.

У больницы нас встретил Миша, он взял мои вещи и проводил до приёмного покоя.

– Это мама очень хорошего человека, о ней нужно позаботиться – попросил он.

Я объяснила, что у меня COVID, я есть в списках, мне звонили из больницы. Списки в больницах оказались двойными и в том, общем, что отражает количество заболевших по стране, я так и не появилась.

Мне было неудобно, словно это я обманываю людей.

– Не переживайте, мы вас не бросим, – сказал врач, – сейчас сделаем тест, потом решим, как вас проводить, как с COVID или нет.

Потом Миша забрал меня, о том, что он зол и тоже не знает, как поступить говорил не он, его губы, сжатые в тонкую линию. Он меня не упрекал, что я тут без COVIDa, назначил УЗИ и КТ. О том, что я переполошила всех не зря, поняла раньше, чем Миша озвучил результаты обследования. Его отношение вдруг изменилось, я почувствовала заботу с толикой вины в его словах, пока меня оформляли и определяли в палату.

– Рад, что вы приехали вовремя. Более пятидесяти процентов, поражены оба лёгких с задней стороны. Процесс на-

ходиться на такой стадии, что возможно ухудшение, – подтвердил он мой собственный диагноз, возникший в моих подозрениях ещё утром. Словно ангел хранитель бился в закрытый разум, забитого комплексами человека весь этот долгий день, настойчиво не позволяя тихо лечиться дома.

Маму очень хорошего человека не оставили без аппарата с кислородом. Так как на Мишином этаже свободного аппарата не было, меня определили в палату со страшным названием. На белой двери была табличка с коротким словом «Шок».

Реаниматологи знали своё дело, за считанные минуты мне установили катетер, поставили систему, обкололи живот и подключили к кислороду.

– Не переживайте, с вами всё будет хорошо, – самые важные для меня слова прозвучали, и я без страха за себя проводила ночь к заре.

Но слёзы были. Я не смогла без них рассказывать мужу о том, что видела в реанимации той ночью. Нас троих пациентов отделяли только стеклянные стены.

Слева лежал мужчина после аварии. Вчера у него была первая операция. Оперировали грудную клетку, бедро, обе ноги со сложными переломами. Он пришел в себя и к нему подошел врач.

– Вы слышите меня? – пациент смог только моргнуть. – Вы поправляетесь после аварии, операция прошла успешно. Пока вы не можете двигаться, и это нормально. Всё восстановится, сейчас сделают укол, и боль пройдет.

Столько человечности в каждом подобранном слове, наполненности убежденностью и какой-то совершенной правдой. Я почему-то подумала, что говорить так, глядя в глаза парализованному человеку, смог бы далеко не каждый.

Справа от меня лежал дедушка. Очень старенький, он был в коме, с рассветом ему стало хуже, я слышала, как медбрат сказал, что дедушка умирает.

– Вводить капельно или струйно? – спросил медбрат у врача.

– А у тебя есть время? – ответил врач, строго.

И они успели. Я тихо плакала и молилась, от всей души желая, чтобы дедушка жил, и когда его показатели пришли в норму, я опять плакала.

– В чем дело? – спросил врач. Я плакала тихо, как греха боялась кого-то побеспокоить, оторвать их внимание на себя.

– Простите, я впервые вижу работу ангелов в белых хала-

тах. Не могу без слёз. Ваша работа так важна!

– Спасибо, нас впервые называют ангелами, – сдержанно сказал врач, уже переходя к другому пациенту. Спокойный и рассудительный, немного утомлённый после смены – это был простой человек, который борется со смертью каждый день.

За первые сутки я усвоила одно, лучше в маске работать, чем в ней спать. Сумку с вещами в реанимацию не дали, сменить маску я не могла, но мне казалось, сними я её, и я заражу других, даже через стекло. И я терпела одну и ту же маску на лице.

– Как деда? – спрашиваю у доченьки.

– Отказывается пить азитромицин, – жалуется она.

– Пообещай, мама придет, даст самогона. Пусть хорошо себя ведёт.

Днём получила видео, в котором моя коза Нора Фёдоровна посылает дочку куда подальше.

«Ничего», – писала Юля, – «Сейчас мы обе отдохнём и снова попробуем».

«Юль, а ты сам процесс дойки себе хорошо представляешь?»

В ответ грустный смайлик.

«Зажимай двумя пальцами титьку вверху, остальными выдавливай молоко вниз. Поучись на резиновой перчатке»

«Хорошо»

Тест на COVID оказался отрицательным, видимо враг ушел или затаился, не обнаруживаясь в слизистых. Меня перевели в отдельную палату, я понимала, что теперь я создаю врачам дополнительные хлопоты. Пациент с неподтверждённым COVID в ковидном госпитале.

– Дочь, ну что? Подоила? – очередной сеанс связи.

– Чуть-чуть, но не переживай, я справлюсь. Правда, мои подписчики уже ставки на победу козы делают. Это они зря!

Я зашла в Инстаграм. Действительно, судя по дочкиным видео, коза побеждала со счётом четыре – ноль.

В палату мне принесли «дудку», пластиковый прибор с шариком и регулировкой, чтобы растягивать лёгкие на вздохе. Я трудилась, делая по десять вдохов каждые полчаса даже ночью. По уважению, которое меня окружало, могу сделать вывод, что далеко не все пациенты отличаются самодисци-

плиной, но для меня по-солдатски резво одеть вторую маску поверх первой при появлении медиков и вытянутся на койке, оголив катетер было единственным, чем я могла облегчить их труд.

– Так, больная! А вам вообще шевелиться можно? – строго спросила санитарка, когда я резво бросилась помогать ей, застилать постели. Меня очередной раз перевели в другую палату. Я вообще два раза в одном месте не ночевала, меня переводили из отделения в отделение, отыскивая пустые палаты и так изолировали от COVIDa и любой заразы, что возможности их встретить точно не было.

– Даже нужно, – заверила я добрую женщину. Вдвоём мы быстро справились, хотя успели обсудить, как любят девочки влюбляться. Дочь этой женщины переживала не простое расставание с любимым, я посочувствовала ей искренне. Так хочется, чтобы наши дочери никогда не страдали. В больнице мне дали звание выше которого не бывает на свете. Я была мамой очень хорошего человека, и это помогло мне запомнить только лучшее из того, что со мной было.

– Ну, надо же! Получилось! – сказала я женщине, показывая фотографию кастрюли полной молока.